

Отцеубийца / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Отцеубийца / рассказ ОТЦЕУБИЙЦА

Адвокат настаивал на помешательстве. Как же было объяснить иначе это странное преступление?

Однажды утром в камышах, около Шату, были найдены два трупа – мужчины и женщины, – в которых опознали двух пожилых супругов, людей богатых и хорошо известных в высшем свете; они полюбили друг друга еще в молодости, но поженились только в прошлом году, так как женщина овдовела лишь за три года до этого.

Никто не знал, чтобы у них были враги, не было обнаружено также следов ограбления. Очевидно, их тела бросили с берега в реку после того, как они были убиты каким-то железным орудием с длинным острием.

Следствие ничего не раскрыло. Допрошенные лодочники ни о чем не знали, дело уже собирались прекратить, когда из соседней деревни явился молодой столяр Жорж Луи, по прозвищу «Буржуа», и отдал себя в руки властей.

На все вопросы он отвечал только одно:

– Мужчину я знал года два, а женщину полгода. Они часто давали мне чинить старинную мебель, потому что я мастер своего дела.

Когда же его спрашивали:

– Почему же вы их убили?

Он упрямо отвечал:

– Убил, потому что хотел убить. Больше ничего от него не могли добиться.

Этот человек был, очевидно, незаконнорожденным: его отдали ребенком на воспитание в деревню и затем бросили. У него не было иного имени, кроме Жорж Луи, но когда он подрос и стал проявлять исключительные способности, врожденный тонкий вкус, изящество, которых не было у его товарищей, ему дали прозвище «Буржуа» и уже не называли иначе. Он избрал своей профессией столярное ремесло и слыл замечательным мастером. Он даже занимался немного резьбой по дереву. Его считали человеком

необузданным, сторонником коммунистических и даже нигилистических учений, искусным оратором на рабочих и крестьянских собраниях, имеющим влияние на избирателей; говорили также, что он большой любитель авантурных романов с кровавой развязкой.

Адвокат настаивал на помешательстве.

Да и как было объяснить иначе, что этот мастеровой убил своих лучших клиентов, богатых и щедрых (он знал это), клиентов, которые за два года дали ему заработать три тысячи франков (это подтверждалось его книгой счетов)? Имелось только одно объяснение: сумасшествие, навязчивая идея, овладевшая деклассированным человеком, который в лице двух буржуа мстит всей буржуазии, — тут адвокат, умело намекнув на прозвище «Буржуа», данное в деревне этому незаконнорожденному, воскликнул:

— Разве это не ирония, не такая ирония, которая способна еще более ожесточить несчастного человека, не имеющего ни отца, ни матери? Он ярый республиканец. Да что я говорю? Он даже принадлежит к той политической партии, представителей которой республика когда-то расстреливала и ссыпала, но теперь принимает с распростертыми объятиями, к партии, для которой поджог является принципом, а убийство — лишь обычным средством для достижения цели.

Этого человека погубили те самые плачевные доктрины, которые проповедуются теперь на публичных собраниях. Он слышал, как республиканцы, даже женщины, — да, да, женщины! — требовали крови господина Гамбетты, крови господина Греви; его больной рассудок совсем помрачился, и он тоже захотел крови, крови буржуа! Не его надо судить, господа, а Коммуну!

В зале послышался гул одобрения. Чувствовалось, что адвокат выиграл дело. Государственный прокурор отказался от реплики.

Тогда председатель суда задал подсудимому обычный вопрос:

— Обвиняемый, что вы можете сказать в свое оправдание?

Подсудимый поднялся.

Он был маленького роста, с светлыми, льняными волосами и серыми глазами, смотревшими пристальным и ясным взглядом. Его

сильный, смелый и звучный голос с первых же слов изменил мнение, которое уже составилось об этом хрупком на вид парне. Он говорил громко, с ораторскими приемами и так отчетливо, что каждое его слово было слышно во всем огромном зале:

– Господин председатель. Так как я не хочу попасть в сумасшедший дом и предпочитаю ему даже гильотину, я решил рассказать все...

Я убил этого мужчину и эту женщину, потому что они были моими родителями.

Теперь выслушайте меня и судите.

Одна женщина, родив сына, отравила его куда-то на воспитание. Она, может быть, даже не знала, куда, в какую деревню отвез ее сообщник маленькое существо, ни в чем не повинное, но осужденное на вечную нищету, на позор незаконного рождения и, более того, – на смерть, потому что его покинули, потому что кормилица перестала получать ежемесячную плату и могла бы, как это часто случается, предоставить ему чахнуть, мучиться от голода и умереть от недостатка ухода.

Женщина, которая меня выкормила, оказалась честной, – более честной, более женщиной, более великодушной, более матерью, чем моя настоящая мать. Она воспитала меня. Исполняя этот долг, она поступила неправильно. Пусть бы уж лучше гибли несчастные дети, выброшенные в пригородные деревни, как выбрасывают сор в помойную яму.

Я вырос со смутным ощущением, что на мне лежит какое-то позорное пятно. Другие дети однажды называли меня «байстрюком». Они не понимали этого слова, подхваченного кем-нибудь из них от родителей. Я тоже не понимал, но почувствовал его значение. Могу сказать, что я был одним из самых развитых учеников в школе. Возможно, я был бы уважаемым человеком, господин председатель, и, кто знает, даже выдающимся человеком, если бы мои родители не совершили преступление, бросив меня.

В сущности, преступление совершили они. Я был жертвой, они – виновными. Я был беззащитен, они – безжалостны. Они должны были бы любить меня, но они от меня отреклись.

Я обязан им жизнью. Но разве жизнь – это подарок? Моя жизнь, во всяком случае, была только несчастьем. За то, что они так

позорно бросили меня, я ничем не был им обязан, кроме мести. Они совершили по отношению ко мне самый бесчеловечный, самый подлый, самый чудовищный поступок, какой только можно совершить по отношению к живому существу.

Оскорбленный человек бьет оскорбителя, обворованный человек силой отнимает свое добро. Человек, обманутой, которого высмеивали и мучили, – убивает; человек, которому дали пощечину, – убивает; человек, которого обесчестили, – убивает. Меня обворовали, обманули, обесчестили, измучили, убили морально; я страдал гораздо больше тех людей, гневу которых вы находите оправдание.

Я отомстил за себя, я убил. Это было мое законное право. Я отнял их счастливую жизнь из мести за ту ужасную жизнь, которую они мне навязали.

Вы назовете это отцеубийством! Но разве можно считать моими родителями этих людей, если сами они считали меня отвратительным бременем, ужасающим, постыдным пятном, если мое рождение было для них несчастьем, а моя жизнь грозила им позором? Они искали эгоистического наслаждения, а у них родился нежеланный ребенок. Они устранили этого ребенка. Наступил и мой черед устранить их.

И все же еще недавно я был готов их полюбить.

Два года тому назад, как я вам уже сказал, этот человек, мой отец, пришел ко мне в первый раз. Я ничего не подозревал. Он заказал мне мебель. Как я узнал позже, он навел справки у кюре, – секретно, разумеется.

Он стал часто бывать у меня, давал мне работу и хорошо платил за нее. Иногда он даже болтал со мной о том, о сем. И я почувствовал к нему расположение.

В начале этого года он привел свою жену, мою мать. Войдя ко мне, она дрожала так сильно, что я принял ее за нервнобольную. Она попросила стул и стакан воды. Она ничего не говорила, безумным взглядом смотрела вокруг, а на все вопросы, которые он ей задавал, отвечала только «да» или «нет», и то невпопад. Когда она ушла, я подумал, что она немного не в себе.

Через месяц она пришла опять. Она была спокойна и владела собой. На этот раз они проболтали со мной довольно долго и,

уходя, поручили выполнить крупный заказ. Я видел ее еще три раза и ни о чем не догадывался, но как-то раз она завела со мной разговор о моей жизни, о моем детстве, о моих родителях. Я ответил:

– Сударыня, мои родители были подлые люди, они бросили меня. Тогда она схватилась рукой за грудь и упала без чувств. Я тут же подумал: «Это моя мать!» – но решил и виду не показывать, что догадался. Мне хотелось, чтобы она пришла еще раз.

Со своей стороны, я тоже навел справки. Я узнал, что они поженились только в июле прошлого года, так как моя мать овдовела всего три года назад. Ходили слухи, что они любили друг друга еще при жизни ее первого мужа, но доказательств этому не было никаких. Доказательством был я, но это доказательство они сперва скрыли, а потом надеялись уничтожить.

Я стал ждать. Раз вечером она появилась снова, по-прежнему в сопровождении моего отца. В этот день она была сильно взволнована, не знаю почему. И вот перед уходом она сказала мне:

– Я хочу вам добра, потому что вы кажетесь мне честным человеком и хорошим работником: вы, конечно, рассчитываете когда-нибудь жениться; так вот, я хочу вам помочь, чтобы вы могли свободно выбрать подходящую жену. Меня выдали замуж против воли, и я знаю, как это тяжело. Теперь я богата, бездетна, свободна и могу распоряжаться своим состоянием. Вот вам приданое.

И она протянула мне большой запечатанный пакет. Я пристально посмотрел на нее и спросил:

– Вы моя мать?

Она попятилась и закрыла лицо руками, чтобы не видеть меня. А он, мой отец, обнял ее и крикнул мне:

– Да вы с ума сошли!

Я ответил:

– Вовсе нет. Я отлично знаю, что вы мои родители. Меня не так-то легко обмануть. Признайтесь в этом, и я сохраню тайну, я не желаю вам зла; я останусь по-прежнему столяром.

Он отступал к двери, поддерживая жену, которая начала рыдать.

Я побежал к двери, запер ее и, положив ключ в карман, сказал:
– Взгляните только на свою жену, неужели вы и теперь посмеете утверждать, что она не моя мать!

Тогда он вышел из себя, страшно побледнел, испугавшись мысли, что внезапно может разразиться скандал, которого им так долго удавалось избежать, что их положение, имя и честь сразу погибнут. Он забормотал:

– Вы негодяй, вы хотите вытянуть у нас денег. Вот, делайте после этого добро простонародью, помогайте всяким хамам, заботьтесь о них!

Моя мать в отчаянии повторяла:

– Уйдем отсюда! Уйдем отсюда!

Но дверь была заперта. Он крикнул:

– Откройте сию же минуту, не то я засажу вас в тюрьму за шантаж и насилие!

Я сохранил самообладание, я открыл дверь и увидел, как они исчезли в темноте.

Тогда мне вдруг показалось, что я вновь остался сиротой, что меня бросили, выгнали на улицу. Ужасающая тоска, гнев, ненависть, отвращение охватили меня; все во мне восстало, восстало справедливо, с полным правом, восстало на защиту поруганной чести, на защиту отвергнутой любви. Я бросился бежать за ними берегом Сены, по той дороге, где они должны были пройти к вокзалу Шату.

Я скоро догнал их. Ночь была очень темная. Я крался по траве, и они не слышали меня. Моя мать все еще плакала. Отец говорил ей:

– Вы сами виноваты. Зачем вам понадобилось его видеть? В нашем положении это безумие. Можно было помогать тайно, не показываясь ему на глаза. Раз мы все равно не можем признать его сыном, зачем эти рискованные посещения?..

Тогда я бросился к ним с мольбой. Я говорил:

– Вы же знаете, что вы мои родители. Один раз вы уже меня бросили, неужели вы снова оттолкнете меня?

Тогда, господин председатель, он поднял на меня руку, – клянусь вам честью, законом, республикой. Он ударил меня, я схватил его за шиворот, а он вытащил револьвер.

В глазах у меня потемнело, я ничего больше не сознавал, я выхватил из кармана свой циркуль и ударил его, ударил изо всех сил.

Тогда она стала кричать: «Помогите! Убивают!» – и вцепилась мне в бороду. Кажется, я убил и ее. Разве я помню, что делал в эту минуту?

А когда я увидел, что оба они лежат на земле, я, не раздумывая, бросил их в Сену.

Вот и все. Теперь судите меня.

Обвиняемый сел. Ввиду его признания разбор дела был отложен. Скоро оно вновь будет слушаться. Если бы мы с вами были присяжными заседателями, как поступили бы мы с этим отцеубийцей?

* * *

По уточненным данным новейших библиографов, напечатано в «Голуа» 25 сентября 1882 года под заглавием «Убийца» (L'assassin).

...крови господина Гамбетты, крови господина Гриви. – Та же буржуазная демагогия. Имеются в виду французские буржуазные республиканцы, выступавшие против Парижской коммуны и ее деятелей, – Леон Гамбетта (1838 – 1882) и Жюль Гриви (1807 – 1891).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н. Костовской. Neкаýalar